

DOI: 10.22363/2312-8313-2022-9-4-438-455

Научная статья / Research article

Социальные сети как вызов политической стабильности Вьетнама

В.Н. Давыдов , Т.А. Нгуен , А.Л. Зоткина

Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

 davidov_vn@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи идентифицируют новые разновидности угроз, вызванных проникновением во вьетнамское общество социальных сетей. В статье оцениваются пределы влияния трансграничных ИТ-коммуникаций на политическую стабильность государства, анализируется контент идейных оппонентов власти в публикациях Instagram, Zalo, YouTube, Facebook (21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией), в поисковых системах и других каналах связи. Авторы представляют выводы и соображения относительно организации противодействия проводникам «цветных революций», мастерам сетевых провокаций, психологических и идеологических диверсий во вьетнамском и глобальном информационном пространстве.

Ключевые слова: Вьетнам, информационная политика, информационные потоки, инспекция сознания, искусственный интеллект, кибербезопасность, кибергигиена, метавселенная, психологическая война, социальные сети, СМИ, угрозы социально-политической стабильности, «цветные революции», цифровизация, цифровой суверенитет, электронные агенты влияния

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Российского университета дружбы народов. Код (шифр) темы НИР/НИОКР «Технологии обеспечения политической стабильности в современной России» 100701-0-000.

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 15.02.2022. Статья принята к публикации: 01.10.2022.

Для цитирования:

Давыдов В.Н., Нгуен Т.А., Зоткина А.Л. Социальные сети как вызов политической стабильности Вьетнама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. № 4. С. 438–455. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-4-438-455>

Social Networks as a Challenge to Vietnam's Political Stability

Vladimir N. Davydov , Tuan A. Nguyen , Anna L. Zotkina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10/2 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

 davidov_vn@mail.ru

Abstract. The authors of the article identify new types of threats caused by the penetration of social networks into Vietnamese society. The authors assess the limits of the impact of cross-border IT communications on the political stability of the state. The article analyzes the content of ideological opponents of the authorities in Facebook, Instagram, Zala, YouTube, (On March 21, 2022, the Tverskoy District Court of Moscow satisfied a lawsuit filed by the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and recognized the activity of the social networks Instagram and Facebook, owned by Meta, as extremist, banning its operation in Russia), search engines and other communication channels. They also share some considerations regarding the organization of counteraction to the conductors of “color revolutions”, masters of network provocations, psychological and ideological sabotage in the Vietnamese and global information space.

Keywords: Vietnam, information policy, information flows, inspection of consciousness, artificial intelligence, cybersecurity, cyber hygiene, metaverse, psychological warfare, social networks, mass media, threats to socio-political stability, “color revolutions”, digitalization, digital sovereignty, electronic agents of influence

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Peoples' Friendship University of Russia. Code of the research/R&D topic “Technologies for ensuring political stability in modern Russia” 100701-0-000.

Article history:

The article was submitted on 19.02. 2022. The article was accepted on 10.11.2022.

For citation:

Davydov V.N., Nguyen T.A., Zotkina A.L. Social Networks as a Challenge to Vietnam's Political Stability. *RUDN Journal of Public Administration*. 2022;9(4):438–455. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-4-438-455>

Введение

На рубеже XX–XXI веков в информационное пространство была интегрирована технология, позволившая фактически синтезировать реальность с виртуальностью [1. С. 33–39]. При эксплуатации ИТ-коммуникаций глобальные центры управления, помимо очевидных достоинств электронного новшества, оценили разрушительный потенциал платформы. Специфический информационный ресурс оказался эффективным инструментом воздействия не только на отдельных граждан, но и на субъекты международного права. Сильные мира сего стали использовать стратегии дистанционного вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Вьетнам, шагая в ногу с техническим прогрессом, воспринял и преимущества сетевых коммуникаций, и привнесенное ими в национальное информационное пространство системное противоречие. Речь идет о внегосударственном регулировании трафика — источника политических и социальных рисков [2. С. 150–166]. И это, если не главная, то, вероятно, одна из ключевых проблем информационной политики современного Ханоя.

Сеть, как универсальная форма человеческого взаимодействия, изобретение давнее. По мнению футуролога Эрика Дэвиса, «сеть — это матрица, лоно, мать-материя, которая порождает всех нас, и эта матрица существовала всегда» [3. С. 453].

Французский историк Ф. Бродель, исследовавший значение торговых сетей XV–XVIII вв. для формирования внутреннего рынка Франции и Европы, пришел к выводу, что подобный формат сотрудничества позволил континенту распространить свое доминирование в остальные части света [4. С. 55]. Причем, как известно, европейское влияние не ограничивалось экономикой. Воздействие Старого Света охватило такие сферы влияния на периферию цивилизации (по И. Валлерстайну), как культура, религия, военное дело. Культуролог М. Маклюэн в свою очередь указывал на то, что сверхдержавы своим могуществом обязаны «обширной паутине коммуникаций» [5. С. 106–107].

Шотландский исследователь Эндрю Петтигри относил политическую проблематику к числу ведущих тем межличностных коммуникаций средневековой Европы. Устные баллады и памфлеты, крамольные листовки и газеты, постановки бродячих комедиантов и проповеди диссидентствующих пасторов вносили надежду на справедливое переустройство мира; пробуждали самосознание европейцев, формировали зачатки политической культуры активизма. Ретрансляция гуманистических идей осуществлялась через сеть постоянных дворов, почтовых станций и харчевен [6. С. 133–135] — предтечу современных коммуникаторов.

«Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться, — выделял в описании пространственные свойства и характеристики социально-технологического феномена М. Кастельс, — путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации» [7. С. 9].

Н. Фергюсон утверждает, что иерархическая система устройства общества и управления ничто иное, как сеть. «...Иерархия — отнюдь не противоположность сети: напротив, она является лишь одной из разновидностей сети». Однако, подчеркивает британский историк, — «господство все-таки останется за иерархиями, поскольку одни только сети не смогут обеспечить устойчивую институциональную структуру для экономического развития и или политического порядка» [8. С. 74, 82]. Обратим

внимание на последний тезис: ведущий актер управления — государство реализует свои функции в иерархическом, то есть субординационном, соподчиненном формате. Следовательно, господствующие высоты по-прежнему принадлежат государству и ответственность за поддержание социально-политической стабильности в обществе лежит именно на властных институтах.

Вертикальная модель управления и контроля в условиях глобализации может гармонично сопрягаться с сетевым характером дипломатии. На последнем обстоятельстве, к примеру, настаивает глава внешнеполитического ведомства России – С.В. Лавров [9. С. 6].

Как видим, в перечне разновидностей сетей и различных аспектов их функционирования ключевое слово «сеть» имеет признаки всеобщности, свойственной таким философским категориям, как «материя», «пространство», «время» [10]. Чем отчасти объясняется стремительное разрастание метавселенной.

Кстати, в научный оборот словосочетание «социальная сеть» ввел преподаватель Манчестерского университета Дж. Барнс. Его исследование «Классы и собрания в норвежском островном приходе», включенное в сборник «Человеческие отношения», привлекло внимание ученых из смежных отраслей знаний и довольно быстро проникло на страницы научной периодики и политической прессы.

Заметный след в изучении сетевой теории оставили авторы концепций социального обмена (П. Блау, Р. Эмерсон), социометрии (Я. Морено), социального капитала (П.Бурдьё, Дж. Коулмэн, Р. Бэрт), теории потоковых структур (Д.В. Иванов) [11. С. 8–16], (А. Радклифф-Браун, С. Найдел), а позднее М. Глубман и Дж. Мичел [12. С. 141–148]. Когнитивный потенциал анализа социальных сетей (Socialnetworkanalysis, SNA) в разное время достаточно результативно использовали в точных науках, социологии, этнографии и политологии такие исследователи, как П. Богесон, Р. Родес, Д. Марш и другие [13].

Цифровое будущее, которым грезит человечество, наряду с учеными пытались предугадать писатели. Так, автор романа «Лавина» (1984 г.) Нил Стивенсон, описал веб-пространство как метавселенную, равноценную реальному миру. Метавселенная, по мысли литератора, органично связана с эффективной экономикой, позволяет социуму развиваться, а людям общаться и развлекаться [14. С. 42–46]. К некоторым перспективным идеям упомянутых авторов мы обратимся в настоящей публикации.

Осмотрительный Э. Тоффлер полагал, что переход к информационному обществу будет сопряжен «с расширением кризисов и глубокой социальной смутой» [15. С. 686–697]. Ему вторят современные исследователи социальных сетевых сервисов. Ибо, вызывая повсеместный интерес, цифровые гиганты получают возможность собрать о клиентах максимум информации, которая стоит больше, чем любые доходы от рекламы — пишет Юваль Харари. Популярное приложение сегодня может не соответство-

вать бизнес-модели или даже быть убыточным, но, если оно способствует сбору данных, завтра его ценность будет исчисляться миллиардами долларов [16. С. 107].

В отдаленном будущем цифровые гиганты, объединив огромные массивы данных и огромные вычислительные мощности, сумеют проникать в самые глубокие тайны жизни, а затем использовать это знание не только для того, чтобы делать за нас выбор и манипулировать нами, но и для переделки органической жизни и создание ее неорганических форм [17].

И еще об одной, не замечаемой большинством IT-пользователей, потере. «Высокие технологии выносят наше сознание во вне: раз есть Яндекс и Гугл, то можно ничего не помнить, — выражает беспокойство в беседе с корреспондентом главный научный сотрудник Института философии РАН Владимир Буданов. — Вот к чему все идет — полному испарению духовного, душевного и интеллектуального базиса! В конечном счете Гугл хочет предлагать варианты, мотивировать вас. А это значит, что он будет вас воспитывать. Голосовой помощник «Алиса», разработанный Яндексом, для все большего числа детей уже более интересный собеседник, чем родная бабушка. Услуга с понятным последствием — разобщением людей» [18. С. 8].

С высоты современных знаний опасения Э. Тоффлера и других экспертов не кажутся излишними. Социальные сети, в нашем понимании, — формат многоканальной IT-коммуникации, освоенной гражданским обществом. Сообразно интересам пользователей в сети формируется повестка дня с преобладанием социально-политической проблематики. При этом социальная сеть не перестает оставаться инструментом взаимодействия власти и общества. Последнее обстоятельство не исключает выхода сетевых информационных потоков из-под контроля национальных управленческих структур. Особенно когда в диалог граждан и власти вмешиваются такие агенты влияния, как коллективный Запад или Восток...

Не случайно США, преуспевшие в информационных баталиях и психологических операциях за рубежом, крайне болезненно реагируют на попытки проникновения в их собственное киберпространство (1). Дело в том, что в минувшем году было зафиксировано 36 млрд случаев утечки данных. Как уточняет Risk Based Security, это более чем в три раза превышает показатели 2019 года [19].

Судя по официальным документам, Вашингтон сегодня озабочен решением двуединой проблемы — организацией всесторонней кибербезопасности и соблюдением кибергигиены (cyber hygiene) в информационных сетях.

Ключевые нормативные документы профильных министерств и ведомств Америки нацеливают IT-персонал на защиту критически важных объектов [20. С. 130–148]. Так, в совершенно секретной президентской директиве Б. Обамы — PPD-20 (которую, кстати, предал гласности Э. Сноуден) приоритетной задачей называли защиту сетей (network defense). То есть «действия, производимые непосредственно на компьютерах, в сетях или

информационно-коммуникационных системах самим владельцем, либо с его ведома с целью защиты: указанных компьютеров, сетей и систем; хранимых, обрабатываемых или передаваемых через них данных; физической и виртуальной инфраструктуры, контролируемой данными компьютерами, сетями и системами» [21. Р. 2].

Мало сказать, что кибербезопасность — веление времени. «Контроль над национальным или коалиционным информационным пространством наконец осознан как один из определяющих аспектов национального суверенитета, — считает профессор Д. Евстафьев, — без чего участие в глобальной конкуренции просто невозможно» [22. С. 82–87].

Сетевой сегмент информационного поля Вьетнама

К настоящему времени социальные сети, унифицируя характер межстрановых и внутригосударственных коммуникаций, заняли прочное место в повседневной жизни общества Социалистической Республики Вьетнам (СРВ). Как свидетельствует статистика (январь 2021 г.), до 70 % без малого 95-миллионного населения страны пользуются веб-технологиями. Более 67 % граждан пользуются социальными сетями для общения, деловых переговоров и досуга. Наиболее востребованы Facebook¹ (90 %), YouTube (89 %), Zalo (74 %), Facebook Messenger (74 %), Instagram (46 %). Далее, заметно уступая лидерам в рейтинге популярности, разместились TikTok (39 %), Twitter (31 %), Viber (25 %), а также WeChat (19 %) и WhatsApp (19 %) соответственно [23].

По данным «NapoleonCat», основная возрастная категория пользователей Facebook — люди от 18 до 44 лет; среди них около 50,9 % — мужчины и 49,1 % — женщины. Немецкое агентство «Statista» поместило Вьетнам на 16-е место в мире по проникновению Интернета и на 7-е место по числу пользователей сетями Facebook и YouTube [24].

Zalo — «суперприложение», аналог российской версии ВКонтакте, функционирует еще и как интернет-магазин... Zalo с 47 миллионами постоянных пользователей — внутренний конкурент Facebook. Завсегдатаи Zalo — люди в возрасте от 30 лет и старше. Процент пользователей, регулярно обращающихся к Facebook Messenger и Zalo для отправки текстовых сообщений, более значителен, чем у Skype и Viber. Facebook Messenger предпочитают молодежь, а Zalo — преимущественно пожилые вьетнамцы [25].

YouTube — глобальный сервис видеохостинга, своеобразная «ярмарка тщеславия» — является одними из самых посещаемых ресурсов в стране. Эта международная социальная сеть, обеспечивающая трансграничное проникновение в национальное информационное пространство, действует в соот-

¹ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

ветствии со своим протоколом, нередко игнорируя нормы вьетнамского законодательства. Тенденциозный медиаконтент подчас искажает общественное мнение, травмирует ментальность аудитории. Намеренно вводит в заблуждение людей, не всегда способных различить лукавый подтекст антивьетнамских сюжетов, сомнительных выступлений лидеров внутренней и внешней оппозиции.

Этим, в частности, грешат такие ньюсмейкеры, как «Ассоциация демократических братьев», «Независимая ассоциация журналистов», «Организация гражданского общества», «Viet Liberty» («Свободный Вьетнам»), «Свободные издатели», «Вьетнамская сеть по правам человека». А также другие организации, маскирующиеся под институты гражданского общества, тесно связанные с международными неправительственными организациями (НПО), которые участвуют в антивьетнамской деятельности. Среди них — RSF («Репортеры без границ»), AI («Международная амнистия»), VOICE («Публичная совесть зарубежных вьетнамцев») и другие. Меню, поставляемого ими негативного сетевого контента, весьма разнообразно. Как в содержательном, так в эстетическом смыслах.

Вредоносные информационные потоки, просачивающиеся во вьетнамское духовное пространство, можно классифицировать следующим образом:

- антиисторическая информация, искажающая биографию страны, особенно историю войн в защиту отечества; фальсификация заслуг первого президента независимой Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина и его революционных идей;
- подрывная информация, провоцирующая сепаратистские тенденции, разрушающая интернациональное единство общества, формирующая сторонников легального радикализма, сил, выступающих под лозунгами защиты «демократических начал в выражении общественного недовольства архаичными порядками» в стране;
- коллаборационистская информация, формирующая (прежде всего у молодежи) мысли о допустимости сотрудничества с бывшими и нынешними противниками Вьетнама «на демократических и гуманистических началах», идейными противниками правящей Коммунистической партии (КПВ) и Вьетнамского фронта отечества;
- антиментальная информация, нацеленная на долговременное воздействие медийных ресурсов и электронных версий зарубежных СМИ на массовую аудиторию, а также сетей, поощряющих эгоцентризм, апологетику вседозволенности и аморальности;
- информация контркультуры, подрывающая изнутри национальную самоидентификацию граждан, их культурную самобытность, духовные ценности и приверженность идеалам предков.

В подрывной, антивьетнамской деятельности замешаны и карманные гаджеты — смартфоны с доступом в интернет-пространство. Они, безусловно, вносят свою лепту в социализацию пользователей, поставляя гражданам СРВ не всегда полезный, а то и откровенно враждебный кон-

тент [26]. При стратификации информационных потоков нельзя не учитывать того факта, что среднестатистический пользователь мобильных телефонов прикасается к сенсорной поверхности смартфона до 2617 раз в день [27].

А с учетом того, сколько внимания уделяется физическому телу обладателя смартфона как объекту цифрового отслеживания, — отмечает социолог У. Дэвис, — больше нельзя называть сеть Интернет чем-то «виртуальным» или «нереальным» [28. С. 28]. И тем не менее социологи отмечают пресыщенность электронным общением [29. С. 572–581].

Чем привлекают социальные сети массового пользователя? Прежде всего набором уникальных коммуникационных функций. Речь идет о формальной сопричастности среднестатистического (или так называемого «простого человека») к деятельности «четвертой власти». Поскольку доступность сетей — «самой большой газеты в мире» — позволила обладателям мобильных телефонов и компьютеров, сопряженных с Интернетом, соперничать с профессиональными журналистами в оперативности, фиксировать события, по-своему интерпретировать их и публиковать в авторской редакции. Это во-первых.

Во-вторых, у гражданских активистов появилась возможность реализации права общественных контролеров, защитников насущных интересов социума. Публично критиковать нерадение или безнравственность администрации, утверждая таким образом торжество закона и справедливости.

В-третьих, социальные сети — это эпицентр формирования общественного мнения по актуальным вопросам развития общества. Место публичного обсуждения, выработки и реализации гуманитарных акций. Например, сбора средств для сограждан, пострадавших от природных либо техногенных катастроф, или атак террористов.

В-четвертых, социальные сети — безлимитная и чрезвычайно емкая платформа самопрезентаций, проведения частных рекламных кампаний, поиска спонсоров, деловых партнеров (2), реализации народных инициатив, включая благотворительность [30. С. 61], и многое другое.

В-пятых, это сокровищница, архив нестареющих мыслей, избранного народной памяти, сакральных традиций, фольклора, семейных преданий; банк иллюстраций, визуального контента.

Стратификация информационных потоков

Социальные сети, непрерывно разрастаясь, стимулируют развитие аппаратной составляющей технологий управления. В том числе на основе алгоритмов искусственного интеллекта [31. С. 6], новых программ и опций. Системно воздействуя на качество общения и минимизируя процесс установления связей, глобальные коммуникации вовлекают в диалог тысячи новых пользователей.

На платформах межличностных коммуникаций создаются сообщества самых различных форм: группы, форумы, общественные объединения глобального масштаба. Веб-переводчики способствуют преодолению языковых и культурных барьеров. И, к сожалению, вольно или невольно обостряют исторические обиды, провоцируют виртуальные конфликты, которые при определенных обстоятельствах могут перерасти в «цветные революции». Поскольку каждый участник виртуального диалога является потенциальным переносчиком «вирусной информации», многократно усиливающей социальную напряженность в государстве и обществе. Даже в оплоте либерализма — США IT-технологии значительно осложняли служебную деятельность 45-го президента Д. Трампа и в конечном итоге способствовали закату его политической карьеры.

*«Ах, обмануть меня не сложно!..
Я сам обмываться рад!»*

Похоже, проницательный русский гений Александр Сергеевич Пушкин задолго до IT-коммуникаций догадался о механизме циркуляции сплетен, наветов, панических слухов и провокаций. Примерно о том же самом, но в прозе говорят ученые Калифорнийского университета Кэйлин О’Коннор и Джеймс Оуэн Уэтеролл: «...Столь высокая эффективность пропаганды и дезинформации в век социальных сетей отчасти связана с тем, что люди, подпавшие под это влияние, не имея намерения ввести кого-то в заблуждение, активно распространяют информацию среди друзей и других участников сети, которые им доверяют. Социальные медиа превращают дезинформацию в ложную информацию» [32. С.40-49].

Самая эффективная ложная информация начинается с зерен правды. Это так, но природа искажения истины кроется в природе человека — социально обучающегося существа, как пишут авторы научно-популярного издания. «Большинство наших убеждений формируются под влиянием утверждений тех, кому мы доверяем: наших учителей, родителей и друзей. Такая социальная передача знания лежит в основе культуры и науки» [32. С. 40–49] электронных агентов влияния.

У госструктур СРВ нет веб-сайта по проверке фактов, аналога *Snores.com*, которым располагаю США, но и без энциклопедического хранилища данных веб-специалисты Ханоя научились изобличать дезинформацию. Тем более, что антивьетнамский контекст демаскирует «тройных коней», пасущихся на национальном информационном поле.

Менее заметные, но разрушительные по своим последствиям сюжеты, навязанные вьетнамской аудитории авторами из числа политических эмигрантов; зарубежных толкователей «дневников» бывших сотрудников дипмиссий и представительств, а также СМИ, некогда аккредитованных в СРВ.

Видеоконтент («документальное» и игровое кино зарубежного производства), наводнивший YouTube, доступный вьетнамскому массовому зрителю,

правильнее называть апологетикой французского колониализма, японского и американского империализма [33. С.7-9]. Особенно агрессивно навязывается бесплатная продукция Голливуда [34. С. 181–182]: «Операция ЦРУ» (1965 г.), «Зеленые береты» (1968 г.), «Племена» (1970 г.), «Рембо» (1982 г.), «Высота «Гамбургер» (1987 г.), «Сайгон» (1988 г.), «Военные потери» (1989 г.), «Дьенбьенфу» (1992 г.), «Небо и земля» (1993 г.), «Ходячие мертвецы» (1995 г.), «Мы были солдатами» (2002 г.), «Туннели смерти» (2007 г.) и другие «визуальные маркеры» эстетики произвола международной военщины. Или, как уточняет автор одной из публикаций об американском кинематографе, вьетнамская тема есть «сопряжение политики вооруженного конфликта и масс-медиа» [35. С. 197–206].

У старших поколений вьетнамских граждан сохранились в памяти образчики аудиообработки прифронтовых территорий спецпропагандистами США. Янки, используя звуковещательные установки, транслировали в эфир вопли ужаса, отчаянный детский и женский плач, буддийскую погребальную музыку; голоса и звуки диких птиц и животных, то есть «реинкарнацию» духов джунглей...

Иногда для психологического истощения бойцов Вьетконга применялась тактика звуковещания с американских боевых вертолетов на отдельный район в течение ночного времени. Программы звуковещания готовились под видом обращений «блуждающих душ» погибших к своим близким. Такой вот аэромобильный сеанс спиритизма от Пентагона.

«Для ведения радиопропаганды использовались американские и южновьетнамские радиостанции, а также некоторые передатчики Тайланда, Тайваня, Филиппин и Австралии, работавшие под непосредственным контролем спецслужб США, — отмечает в статье исследователь А. Бобров. — Передачи велись на вьетнамском языке и в разгар боевых действий охватывали 95 % населения страны при общей продолжительности вещания 24 часа в сутки». И, надо сказать, концепция специальных методов войны подтвердила свою эффективность: «За весь период боевых действий примерно 250 тысяч вьетнамцев добровольно перешли на сторону противника» [36. С. 20–27].

Лукавая манипулятивная тактика специализированных IT-технологий в виртуальном пространстве, подобно проникающей радиации, постепенно накапливаясь, разрушает психофизическую составляющую личности пользователя. И в этом главная опасность токсичной коммуникации, как отмечают в публикации авторы из Российского университета дружбы народов [37. С. 776–786].

Реализуя информационную политику с преимуществами сетевого обмена, профильные государственные структуры СРВ стремятся в первую очередь дезавуировать враждебную, фейковую и противоречивую информацию, которая лишает общество социального оптимизма [38. С. 84–86], вредит имиджу Ханоя. Нормы закона СРВ о кибербезопасности, реализуемые специальными госструктурами, избавляют вьетнамское общество от той самой

тревожности, о последствиях которой для психологического самочувствия людей писал К. Ясперс [39. С. 91].

Выстраивая контрпропагандистский барьер, властные структуры различают в информационных потоках:

- а) стихийно возникающий негативный контент;
- б) целенаправленно внедряемые подрывные сообщения.

В первом случае речь идет о нейтрализации деструктивного содержания самой различной природы и этиологии (3). А именно *информационных импровизаций социальных сетей*.

Будучи общедоступным каналом общения, сеть, наряду с эксклюзивной вовлекает в свою орбиту и переработанную вторичную информацию из традиционной прессы, других интернет-ресурсов. При этом сведения, намеренно или ненамеренно искаженные пользователями, в результате вольной интерпретации фактов из СМИ, обретает вторую жизнь и оседает в искаженном виде в «оперативной» и долговременной памяти аудитории.

Представители государственных институтов, участвуя в сетевых дискуссиях, дезавуируют, опровергают ложные послы заблуждающихся или злонамеренных авторов. Публично устанавливают подлинность фактов, развеивают тенденциозность авторов и предлагают реалистическую версию событий. Защищая стабильность социума, власти в международной сфере одновременно реализуют концепцию «геополитического кода». Или, говоря иначе, популяризируют «систему политических отношений государства с внешним миром, обеспечивающим определенный государственный статус на мировом и региональном уровнях» [40. С. 142–157].

Внутренняя политика страны осуществляется сообразно принципу «народ — корень всего». Что сопрягается с медийными ресурсами и трансформируется в циклы передач, кино и телепрограмм, размещается в доступных государству интернет-сетях. Тема «укрепление национального единства» в информационном пространстве остается непреложным правилом сотрудничества личности, общества и государства социалистического Вьетнама [41. С. 16, 20, 39].

Особенно в таком сложном деле, как организация противодействия со стороны государства и гражданского общества *информационным кампаниям, инициированным геополитическими соперниками Вьетнама*. Краткосрочные (тактические) и долговременные (стратегические) акции оппонентов Ханоя в сетях, при первом рассмотрении, укладываются в рамки хорошо известных ключевых социальных мифов Герберта Шиллера. А именно:

- миф о нейтралитете основных политических и общественных институтов;
- миф о плюрализме прессы;
- миф об отсутствии социальных конфликтов;
- миф об индивидуализме и личном выборе;
- миф о неизменной природе человека [42].

Подтасовка фактов, ложь, клевета, искажение объективных данных, сокрытие и замалчивание невыгодной информации, полуправда, наклеивание ярлыков и другие провокационные вбросы – арсенал информационной экспансии глобальных акторов и их партнеров [43. С. 23–24].

При этом контент сети намеренно фрагментирован, ограничен заданным объемом текста. «Фрагментация информационных сообщений, стремление подать их как поток разнородных сведений лишают аудиторию возможности воспринять картину мира в целом, — писал в предисловии к монографии Г. Шиллера Я.Н. Засурский. — Намеренная раздробленность информационного потока ведет к раздробленности восприятия мира, что либо обезоруживает аудиторию, лишая ее общего представления о мире, либо облегчает искажение различных аспектов социальной реальности, давая возможность преувеличивать значение одних событий за счет умалчивания других. Фрагментация информационного потока является, конечно же, важнейшим приемом, открывающим широчайшие возможности для искажения информационной картины мира в сознании аудитории средств массовой информации» [42].

Не меньшую озабоченность вьетнамского руководства, партийных и правоохранительных органов страны вызывает криминализация киберпространства. Этот участок национальной безопасности, на защиту которого направляются значительные людские, материальные и интернет-ресурсы, безусловно, требует отдельного исследования. Мы ограничимся лишь констатацией того обстоятельства, что о стабильности современного государства можно говорить лишь при создании адекватной системы парирования реальных и потенциальных кибератак [44. С. 19–21]. Приоритетной задачей остается развитие технологической, аппаратной составляющей кибербезопасности.

Заключение

Социальные сети — один из важнейших социокультурных феноменов XXI века. Глобальный масштаб в сочетании с онлайн-форматом общения на дружественной и деловой основах, — перспективная форма эволюции человечества [45. С. 8–11]. А в технологическом смысле показатель четвертой революции в веб-пространстве. Беря за точку отсчета появление мейнфреймов 1970-х, персональных компьютеров 1980-х, Интернета 1990-х годов и, наконец, социального нетворкинга — знаковой приметы современного общественно-политического процесса.

Функциональные возможности веб-коммуникаций породили новые классы специализации: сети исследовательские, торговые, частные, киберспорта, игровых стратегий и т.д. Преимущества массовых глобальных сайтов Facebook, MySpace, Friendster, Tagged, Orkut, LinkedIn — это проверенная идентичность, очерченные связи, эксклюзивность, «новостная лента», авангардные приложения для платформ, возможность вовлечения новых участни-

ков диалога. Создание ценностей за счет сетевых эффектов. Нужный контент нужному человеку в нужное время – принцип информационного сотрудничества в социальных сетях.

Вьетнам одним из первых в регионе осознал значение сетевых коммуникаций в развитии государства и общества. Однако привнесенные ИТ-технологиями в национальное информационное пространство СРВ комфорт и материальная выгода не отменяют системного противоречия — трансконтинентального регулирования трафика — потенциальный источник политических и социальных рисков многонационального государства [46].

Изнанка свободного циркулирования контента обернулась для Ханоя, как, впрочем, и для других стран, внешнегосударственным контролем информационных потоков со стороны глобальных акторов, вмешательством во внутренние дела. А также неутрачиваемыми ментальными, когнитивными, хакерскими войнами, преследующими различные цели, включая дестабилизацию вьетнамской государственности.

Во избежание социально-политических потрясений, подрыва внутренней стабильности правящая партия СРВ, специализированные структуры государства с опорой на гражданское общество совершенствуют систему безопасности, правовую базу и технологический потенциал сетевого взаимодействия социума. Субъекты управления СРВ, адекватно оценивая вызовы и угрозы цифровизации коммуникаций, расширяют сотрудничество с заинтересованными партнерами внутри страны и за ее пределами. В том числе с Российской Федерацией.

Так, в недавно принятом «Совместном заявлении о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам на период до 2030 года» отмечено: «Стороны продолжают развивать комплексное взаимодействие в сфере международной информационной безопасности в соответствии с международным правом и в духе Совместного заявления президента Российской Федерации В.В. Путина и президента Социалистической Республики Вьетнам Чан Дай Куанга о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, принятого 10 ноября 2017 года и российско-вьетнамского межправительственного Соглашения о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 6 сентября 2018 года для предотвращения использования информационно-коммуникационных технологий в целях подрыва (ущемления) суверенитета, нарушения территориальной целостности государств, осуществления в глобальном информационном пространстве иных действий, препятствующих поддержанию международного мира, безопасности и стабильности» [47].

Надо полагать, что внутренние и внешние ресурсы, привлеченные для защиты национальных интересов СРВ в области ИТ-коммуникаций, обеспечат безопасное и поступательное развитие вьетнамского общества в XXI столетии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Киберпространство — термин, которым писатель-фантаст У. Гибсон (США) описывает мир, существующий внутри каждого компьютера. См.: *Дери М.* Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.: АСТ Екатеринбург. Ультра. Культура, 2008. С. 11. 478 с.
2. В современном Вьетнаме более 750 тысяч фирм, 98 % которых относятся к малым и средним предприятиям со средней численностью персонала, не превышающего 200 человек. См.: *Александрова Е., Заболоцкая В.* Развитие цифровой экономики в малом и среднем предпринимательстве: опыт Вьетнама // *Азия и Африка сегодня* 2021. № 3. С. 40–48. <https://doi.org/32053859/S252352952236283/3>
3. Информационное противоборство (по И.С. Панарину) включает три составляющие: стратегический анализ; информационное воздействие; информационное противодействие. Центры противоборства или системы могут функционировать при госструктурах, НИИ, штабах политических партий, центрах общественных связей, в творческих союзах, в СМИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ульянов Н.* Как интегрировать цифровой мир с реальным // *Эксперт*. 2022. № 3. С. 33–39.
2. *Мизин В.И., Сергеев В.М.* Современные концепции стратегической стабильности // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 5. С. 150–166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.12>
3. *Дэвис Э.* Техногнозис: мир, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. 480 с.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. *Время мира*. М.: Весь мир, 2007. 752 с.
5. *Маклюэн М., Фиоре К.* Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ: Астрель, 2012. 219 с.
6. *Петтигри Э.* Изобретение новостей. Как мир узнал о самом себе. М.: АСТ, 2021. 494 с.
7. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 327 с.
8. *Ферьюсон Н.* Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook². М.: АСТ: CORPUS, 2020. 734 с.
9. *Лавров С.В.* Внешнеполитическая философия России // *Международная жизнь* 2013. № 3. С. 6.
10. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 316 с.
11. *Иванов Д.В.* К теории потоковых структур // *Социологические исследования*. 2012. № 4. С. 8–16.
12. *Матвеев С.Р.* Сетевой подход как метод исследования интеллектуальной коммуникации // *Общественные науки и современность* 2014. № 6. С. 141–148.
13. *Rogers E., Kincaid D.L.* *Communication Networks: Toward a New Paradigm for Research*. New York, 1981. 386 p.
14. *Грек А.* Цифровая лихорадка // *Популярная механика* 2022. № 2. С. 42–46.
15. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 795 с.
16. *Харари Ю.Н.* 21 урок для XXI века. Пер. с англ. М.: Синдбад, 2021. 416 с.
17. *Solon O.* Google's Bad Week: YouTube Loses Millions as Advertising Row Reaches US // *Guardian*. 25.03.2017.
18. *Харцизов С.* Антропологический переход. Человек под прессом цифровых технологий // *Завтра*. 2021. № 10. С. 8.
19. *Королёва А.* Кибербезопасность становится долгосрочным трендом // *Эксперт*. 2022. № 1-2. С. 44.

² 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

20. *Селянин Я.В.* Роль Пентагона в обеспечении кибербезопасности США // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 3(42). С. 130–148.
21. Presidential Policy Directive 20 // PPD-20 «U.S. Cyber Operations Policy». 2012. P. 2.
22. *Евстафьев Д.* На пороге постглобального мира // Эксперт 2022. № 3. С.82–87.
23. Отчет об исследовании рынка — Отчет об исследовании привычек в социальных сетях Вьетнама 2020 URL: https://vinaresarch.net/public/news/2201-Bao_Cao_Nghien_Cuu_Thoi_Quen_Su_Dung_Mang_Xa_Hoi_Cua_Nguoi_Viet_Nam_2018.vnrs (дата обращения: 12.02.2022).
24. Facebook users by country // Statista. 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/268136/top-15-countries-based-on-number-of-facebook-users/> (дата обращения: 23.01.2022).
25. Facebook users in Viet Nam — March 2020 // NapoleonCat. 2020. URL: https://napoleoncat.com/stats/facebook-users-in-viet_nam/2020/03 (дата обращения: 23.01.2022).
26. *Коровин В.М.* Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. 349 с.
27. Putting a Finger on Our Phone Obsession // The Tribune. 27.10.2018. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/archive/ludhiana/news-detail-674294> (дата обращения: 23.01.2022).
28. *Дэвис У.* Нервные государства. Миром стали править эмоции. М.: АСТ, 2021. 352 с.
29. *Ефимова Г.З., Семёнов М.Ю.* Цифровой детокс молодежи // Вестник РУДН: Серия Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 572–581. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581>
30. *Логинов К.* Благотворительная социальная сеть // Эксперт. 2013. № 45. С.61.
31. *Ларина Е.* Игры с разумом. Трансгуманизм и искусственный интеллект // Завтра. 2020. № 41. С. 6.
32. *О'Коннор И.К., Уэтеролл Д.О.* Почему мы верим лжи // В мире науки. 2019. № 11. С. 40–49.
33. *Зунг В.Т.* Великая победа весной семьдесят пятого. М.: Воениздат, 1980. 247 с.
34. *Берсенева В.Л.* Голливудский авианосец в джунглях Вьетнама // Дискурс-ПИ: научно-практический альманах. 2010. № 1–2(9–10). С. 181–182.
35. *Авдоница Н.С.* Кинематограф о войне во Вьетнаме (1957–1975) как элемент политической коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 9. Вып. 1. С. 197–206.
36. *Бобров А.* Информационная война: от листовки до Твиттера // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 1. С. 20–27.
37. *Давыдов В.Н., Аршинова А.И., Софокли Я.С.* Культурные индустрии: клонирование идей и смыслов // Вестник РУДН: Серия Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 776–786. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-776-786>
38. *Воронова О.Е., Трушин А.С.* Современные информационные войны: стратегии, типы, методы, приемы. М.: Аспект Пресс, 2021. 171 с.
39. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени. 2 часть. Границы порядка существования. М.: АСТ, 2013. 285 с.
40. *Новикова О.В.* Геополитический код и национальные интересы Вьетнама XXI в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. II. № 3 (40). С. 142–157.
41. Политический доклад ЦК КПВ XII съезду партии // XII съезд компартии Вьетнама. Документы и экспертные оценки. М.: Институт Дальнего Востока, 2016. 352 с.
42. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. Пер. с англ. М.: Мысль, 1980. 325 с.
43. *Давыдов В.Н.* Информационная экспансия: контроль, сдерживание, контрмеры. М.: Изд-во РУДН, ЭКА, 2014. 72 с.
44. *Жданов Ю.Н., Овчинский В.С.* Киберполиция XXI века. Международный опыт. М.: Международные отношения, 2020. С. 19–21. 288 с.
45. *Давыдов В.Н.* и др. Политическая стабильность в современном мире. М.: КноРус, 2022. 204 с.
46. *Павликова О.* Через призму соцсетей // Профиль. 2013. № 37. С. 8–11.
47. Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам на период до 2030 года // Kremlin.ru. 30.11.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5742> (дата обращения: 10.02.2022).

REFERENCES

1. Ulyanov N. Kak integrirovat' tsifrovoy mir s real'nym [How to Integrate the Digital World With the Real One]. *Expert*. 2022;3;3;–39 (In Russ.).
2. Mizin V.I., Sergeev V.M. Sovremennye kontseptsii strategicheskoi stabil'nosti [Modern Concepts of Strategic Stability]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2018;5:150–166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.12> (In Russ.).
3. Djevis Je. *Tekhnognozis: mir, magiya i mistitsizm v informatsionnyu epokhu* [Technognosis: Peace, Magic and Mysticism in the Information Age]. Ekaterinburg: Ul'tura. Kul'tura; 2008. 478 p. (In Russ.).
4. Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, XV-XVIII Centuries.] T. 3. Vremya mira. Moscow: Ves' mir; 2007. 752 p. (In Russ.).
5. Maklyuen M., Fiore K. *Voina i mir v global'noi derevne* [War and Peace in the Global Village]. Moscow: AST: Astrel'; 2012. 219 p. (In Russ.).
6. Pettigri E. *Izobretenie novostei. Kak mir uznaet o samom sebe* [The Invention of News. How the World Learned about Itself]. Moscow: AST; 2021. 494 p. (In Russ.).
7. Kastel's M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2004. 327 p. (In Russ.).
8. Fergyson N. *Ploshchad' i bashnya. Seti i vlast' ot masonov do Facebook³* [Square and Tower. Networks and Power from Freemasons to Facebook]. Moscow: AST: CORPUS; 2020. 734 p. (In Russ.).
9. Lavrov S.V. Vneshnepoliticheskaya filosofiya Rossii [Russian Foreign Policy Philosophy]. *The International Affairs*. 2013;3:6 (In Russ.).
10. Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2001. 316 p. (In Russ.).
11. Ivanov D.V. K teorii potokovykh struktur [Towards a Theory of Flow Structures]. *Sociological Studies*. 2012;4:8–16 (In Russ.).
12. Matveev S.R. Setevoi podkhod kak metod issledovaniya intellektual'noi kommunikatsii [Network Approach as a Method of Study of Intellectual Communication]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2014;6:141–148 (In Russ.).
13. Rogers E., Kincaid D.L. *Communication Networks: Toward a New Paradigm for Research*. New York; 1981. 386 p.
14. Grek A. Tsifrovaya likhoradka [Digital Fever]. *Populyarnaya mekhanika*. 2022;2:42–46 (In Russ.).
15. Toffler E. *Tretya volna* [Third Wave]. Moscow: AST; 2009. 795 p. (In Russ.).
16. Harari Yu.N. *21 urok dlya XXI veka* [21 Lessons for the 21st Century]. Moscow: Sindbad; 2021. 416 p. (In Russ.).
17. Solon O. Googlés Bad Week: YouTube Loses Millions as Advertising Row Reaches US. *Guardian*. 25.03.2017.
18. Khartsizov S. Antropologicheskii perekhod. Chelovek pod pressom tsifrovyykh tekhnologii [Anthropological Transition. Man under the Pressure of Digital Technologies]. *Zavtra*. 2021;10:8 (In Russ.).
19. Koroleva A. Kiberbezopasnost' stanovitsya dolgosrochnym trendom [Cyber Security Becomes a Long-term Trend]. *Expert*. 2022; 1–2: 44 (In Russ.).
20. Selyanin Ya. V. Rol' Pentagona v obespechenii kiberbezopasnosti SShA [The Role of the Pentagon in Ensuring US Cybersecurity]. *Problemy natsional'noi strategii*. 2017; 3(42): 130–148 (In Russ.).
21. Presidential Policy Directive 20. *PPD-20 "U.S. Cyber Operations Policy"*. 2012; 2.

³ On March 21, 2022, the Tverskoy District Court of Moscow satisfied a lawsuit filed by the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and recognized the activity of the social networks Instagram and Facebook, owned by Meta, as extremist, banning its operation in Russia.

22. Evstaf'ev D. Na poroge postglobal'nogo mira [On the Threshold of the Post-Global World]. *Expert*. 2022;3:82–87 (In Russ.).
23. *Otchet ob issledovanii rynka — Otchet ob issledovanii privyчек v sotsial'nykh setyakh V'etnama* [Market Research Report — Vietnam Social Media Habit Research Report]. 2020. URL: https://vinaresearch.net/public/news/2201-Bao_Cao_Nghien_Cuu_Thoi_Quen_Su_Dung_Mang_Xa_Hoi_Cua_Nguoi_Viet_Nam_2018.vnrs (accessed: 12.02.2022) (In Russ.).
24. Facebook Users by Country. *Statista*. 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/268136/top-15-countries-based-on-number-of-facebook-users/> (accessed: 23.01.2022) (In Russ.).
25. Facebook Users in Viet Nam — March 2020. *NapoleonCat*. 2020. URL: https://napoleoncat.com/stats/facebook-users-in-viet_nam/2020/03 (accessed: 10.01.2022).
26. Korovin V.M. *Tret'ya mirovaya setevaya voina* [Third World Network War]. SPb.: Piter; 2014. 349 p. (In Russ.).
27. Putting a Finger on our Phone Obsession. *The Tribune*. 27.10.2018. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/archive/ludhiana/news-detail-674294> (accessed: 11.02.2022).
28. Devis U. *Nervnye gosudarstva. Mirom stali pravit' emotsii* [Nervous States. Emotions Rule the World]. Moscow: AST; 2021. 352 p. (In Russ.).
29. Efimova G.Z., Semenova M.Yu. Digital Detox of the Youth (on the Example of Social Networks). *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20(3): 572–581. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581>
30. Loginov K. Blagotvoritel'naya sotsial'naya set' [Charity Social Network]. *Expert*. 2013;45:61 (In Russ.).
31. Larina E. Igry s razumom. Transgumanizm i iskusstvennyi intellect [Mind Games. Transhumanism and Artificial Intelligence]. *Zavtra*. 2020;41:6 (In Russ.).
32. O'Konnor I.K., Ueteroll D.O. Pochemu my verim lzhi [Why do We Believe Lies]. *V mire nauki*. 2019;11:40–49 (In Russ.).
33. Zung V.T. *Velikaya pobeda vesnoi sem' desyat pyatogo* [Great Victory in the Spring of Seventy-five]. Moscow: Voenizdat; 1980. 247 p. (In Russ.).
34. Bersenev V.L. Gollivudskii avianosets v dzhunglyakh V'etnama [Hollywood Aircraft Carrier in the Jungles of Vietnam]. *Diskurs-PI: nauchno-prakticheskii al'manakh*. 2010; 1–2 (9-10): 181–182 (In Russ.).
35. Avdonina N.S. Kinematograf o voine vo V'etname (1957-1975) kak element politicheskoi kommunikatsii [Cinematography about the Vietnam War (1957-1975) as an Element of Political Communication]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2012; 9(1): 197–206 (In Russ.).
36. Bobrov A. Informatsionnaya voina: ot listovki do tittera [Information Warfare: From Leaflets to Twitter]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 2013;1:20–27 (In Russ.).
37. Davydov V.N., Arshinova A.I., Sofokli Ya.S. Kul'turnye industrii: klonirovanie idei i smyslov [Cultural Industries: Cloning of Ideas and Meanings]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18(4): 776–786. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-776-786> (In Russ.).
38. Voronova O.E., Trushin A.S. *Sovremennye informatsionnye voiny: strategii, tipy, metody, priemy* [Modern Information Wars: Strategies, Types, Methods, Techniques.]. Moscow: Aspekt Press; 2021. 171 p. (In Russ.).
39. Yaspers K. *Dukhovnaya situatsiya vremeni. 2 chast'*. *Granitsy poryadka sushchestvovaniya* [Spiritual Situation of the Time. 2 part. Order of Existence Bounds]. Moscow: AST; 2013. 285 p. (In Russ.).
40. Novikova O.V. Geopoliticheskii kod i natsionalnye interesy V'etnama XXI v. [Geopolitical Code and National Interests of Vietnam in the 21st Century]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya*. 2018; II. 3(40): 142–157 (In Russ.).
41. *Politicheskii doklad TsK KP V XII s'ezdu partii. XII s'ezd kompartii V'etnama. Dokumenty i ekspertnye otsenki* [Political Report of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam to the XII Congress of the Party. XII Congress of the Communist Party of Vietnam]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka; 2016. 352 p. (In Russ.).
42. Shiller G. *Manipulyatory soznaniem* [Mind Manipulators]. Moscow: Mysl'; 1980. 325 p. (In Russ.).

43. Davydov V.N. *Informacionnaja jekspansija: kontrol', sderzhivanie, kontrmery* [Information Expansion: Control, Containment, Countermeasures]. Moscow: RUDN, JeKA; 2014. 72 p. (In Russ.).
44. Zhdanov Ju.N., Ovchinskij V.S. *Kiberpolicija XXI veka. Mezhdunarodnyj opyt* [Cyberpolice of the 21st Century. International Experience]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija; 2020. 288 p. (In Russ.).
45. Davydov V.N. et al. *Politicheskaja stabil'nost' v sovremennom mire* [Political Stability in the Modern World]. Moscow: KnoRus; 2022. 204 p. (In Russ.).
46. Pavlikova O. Cherez prizmu socsetej [Through the Lens of Social Media]. *Profil'*. 2013;37:8–11 (In Russ.).
47. Sovmestnoe zajavlenie o videnii razvitija otnoshenij vseob#emljushhego strategicheskogo partnjorstva mezhdru Rossijskoj Federaciej i Socialisticheskoj Respublikoj V'etnam na period do 2030 goda [Joint Statement on the Vision for the Development of a Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam for the Period up to 2030]. *Kremlin.ru*. 30.11.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5742> (accessed: 10.02.2022) (In Russ.).

Информация об авторах:

Давыдов Владимир Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-0194-4065) (e-mail: davidov_vn@mail.ru).

Нгуен Туан Ань — аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-2609-9550) (e-mail: anhnnguyen3891@yandex.ru).

Зоткина Анна Леонидовна — магистр кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-6983-5861) (e-mail: Annazotkina83259@gmail.com).

Information about the authors:

Vladimir N. Davydov — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-0194-4065) (e-mail: davidov_vn@mail.ru).

Tuan A. Nguyen — Post-graduate Student of the Department of Public Policy and History of State and Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2609-9550) (e-mail: anhnnguyen3891@yandex.ru).

Anna L. Zotkina — Master of the Department of Public Policy and History of State and Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-6983-5861) (e-mail: Annazotkina83259@gmail.com).